

RU

Анализ антропологических позиций британского монаха Пелагия

Антонян А. Р.

Аннотация. Цель исследования - определить степень трансформации ортодоксального христианского учения о человеке в антропологических концепциях британского монаха Пелагия. Те немногие отечественные работы, которые посвящены богословию Пелагия, написаны по преимуществу дореволюционными церковными авторами, где британский монах заведомо предстал как «несомненный еретик». В данном исследовании не преследуется цель реабилитировать теологические построения Пелагия, подвергая сомнению правомерность постановлений церковных соборов. Автор рассматривает антропологию британского монаха, скорее, в философском ключе, избегая по возможности суждений сугубо конфессионального характера. В этом, по сути, и заключается научная новизна настоящего исследования. Анализ пелагианской антропологии в данной работе проводится преимущественно с философских позиций. В результате исследования выделены и охарактеризованы те антропологические концепции, которые вступают в жесткий антагонизм с ортодоксальной христианской теологией.

EN

Analysis of Pelagian Anthropology

Antonyan A. R.

Abstract. The article aims to show how anthropological conceptions of the British monk Pelagius differ from the Orthodox anthropology. Rare domestic works on the Pelagian theology are written mainly by pre-revolutionary ecclesiastical authors who undoubtedly consider the British monk a “real heretic”. The paper doesn’t seek to rehabilitate the Pelagian theology and to dispute decisions of the Church Councils. The researcher considers the Pelagian anthropology in pure philosophical aspect, avoiding purely confessional arguments, which constitutes scientific originality of the study. The Pelagian anthropology is analysed from the philosophical viewpoint. The research findings are as follows: the author identifies and describes conceptions of the Pelagian anthropology that differ cardinaly from the Orthodox doctrine.

Введение

Как известно, исследованием богословского творчества британского монаха Пелагия в нашей стране занимались преимущественно преподаватели духовных семинарий и академий в дореволюционный период. Чаще всего границы научно-исследовательской деятельности обуславливались запросами церковно-исторической школы. Как правило, это были труды, в которых проводился анализ доктринальных построений Пелагия в контексте его полемики с Августином. Вполне естественно, что антропологические позиции Пелагия, выкристаллизовавшиеся в споре с Аврелием Августином, не могут быть полноценно рассмотрены вне контекста данной дискуссии. Тем не менее подход, который предполагает рассмотрение пелагианской антропологии исключительно в рамках обозначенного спора, представляется автору статьи односторонним, т.е. не отвечающим требованиям современного научного исследования.

Для достижения поставленной в данной работе цели предполагается решение следующих задач:

- 1) проанализировать специфику антропологической позиции монаха Пелагия;
- 2) выявить основные пелагианские концепции, вступающие в конфликт с общепринятой христианской ортодоксией;
- 3) дать оценку тем специфическим выводам, к которым приводит пелагианская антропология.

В качестве основного метода исследования был избран метод сравнительного анализа текстов Пелагия с теми постулатами, которые признаны в христианской церкви в качестве ортодоксальных. Теоретической базой данного исследования, помимо текстов самого Пелагия, стали работы известных отечественных и западных религиозных философов Е. Н. Трубецкого [5], Р. Х. Уивер [6], М. Эриксона [9], А. Е. Макграта [10].

Практическая значимость работы определяется возможностью использования материалов исследования в преподавании религиозно-философских, исторических и теологических дисциплин (религиозная философия, история западных исповеданий, христианская антропология и т.д.).

Причины возникновения пелагианской дискуссии

Дискуссия, которая возникла в западной церкви в самом начале V столетия между епископом Аврелием Августинем и британским монахом Пелагием, имела в своем основании диаметрально противоположные взгляды на природу человека. Как известно, поздняя антропологическая доктрина Августина, ярко раскрывшаяся в его антипелагианских трактатах, была проникнута глубочайшим пессимизмом относительно человеческих способностей. В период своего епископского служения Августин довел до логического предела концепцию первородного греха (*peccatum originale*), согласно которой все люди как потомки Адама наследуют не только вину его преступления, но и безнадежно испорченную природу. В результате грехопадения человеческая природа полностью лишилась некогда дарованных ей в акте творения духовных сил и способностей.

По мысли Августина, грех превратил все человечество в безнадежно испорченную греховную массу: «Все мы сделали одной массой глины, то есть массой греха» [1, с. 145]. В нынешнем т.н. «падшем» состоянии спасение для грешника становится реально осуществимой задачей лишь в том случае, если сам Бог наделит его даром сверхъестественной благодати, которая одна только и может произвести в человеке спасительное действие. Однако этого дара удостаиваются далеко не все люди, но лишь те, кого сам Бог, по своему суверенному избранию, предопределил к спасению.

Ум, чувства и воля каждого человека, по убеждению Августина, безнадежно повреждены. Поэтому не только стремление к добродетели, но даже само желание добра может возникнуть лишь в результате внешнего побуждения божественной благодатью. Как видно, в такой своеобразной концепции спасения, проникнутой духом трагизма, человеческим действиям не отводится никакой значимой роли. Английский историк Артур Армстронг отмечает, что «абсолютная убежденность в крайней беспомощности предоставленного самому себе падшего человека составляет самое глубокое основание мысли Августина» [3, с. 232].

Оппонентом Августина по данному вопросу, как известно, выступил британский монах Пелагий, который жестко критиковал постулаты гиппонского епископа, указывая, что его пессимистичная позиция не побуждает к духовной жизни, а подавляет всякое стремление к добродетели. В антропологических построениях британца человеческая природа имеет совершенно иной статус. Пелагий уверен, что человек не подвержен никакой греховной испорченности, которую он мог бы унаследовать от своих предков. Разум и воля каждого человека остаются в первозданном состоянии. Грех же Адама, описанный в самом начале Библии, по мнению Пелагия, является его сугубо личной трагедией, которая не имеет никаких пагубных последствий для последующих поколений, поэтому служит всего лишь нравственно-назидательным примером, чтобы люди, усвоив печальный урок своего праотца, не поступали так же. В противовес августиновской доктрине первородного греха Пелагий разрабатывает концепцию т.н. «антропологического оптимизма», суть которой сводится к достаточно высокой оценке человеческих сил и возможностей.

Как известно, спустя сто лет после вспыхнувшего конфликта западная церковь на Оранжевом соборе (529 г.) приняла в качестве официального исповедания некоторые концепции Августина (при этом обойдя стороной крайние формы т.н. «августинизма»), доктрины же Пелагия были осуждены как ересь. Вопрос, который может возникнуть при рассмотрении антропологии британского монаха, сводится к следующему: чем, по сути, его нравственные постулаты отличаются от традиционной монашеской практики, где личному аскетическому подвигу уделяется достаточно большое внимание?

Концепция т.н. «антропологического оптимизма» как идейная основа для духовного совершенствования

При детальном рассмотрении сохранившихся текстов Пелагия можно заметить, что богословское видение аскетической жизни, которое он предлагал, по сути, не было новым. Постулирование высокой значимости личного духовного подвига было традиционным и наличествовало во многих нравственно-назидательных христианских трактатах. Как известно, особое значение аскетическая практика имела для монахов, которые связывали личный подвиг нравственной жизни с получением спасения, т.е. видели в этом некую причинно-следственную связь. Поэтому естественно, что в основных своих чертах доктрины британского монаха были созвучны с уставами многих монастырских обителей.

Американский теолог Миллард Эриксон утверждает, что те мотивы, которыми Пелагий руководствовался в проповеднической деятельности, в своей основе были благородны. Он «стремился сделать жизнь людей как можно более добродетельной, поэтому убеждение Августина считал деморализующим, подрывающим всякое подлинное устремление к праведной жизни и оскорбительным для Бога» [9, с. 771].

Доктрина первородного греха, изложенная в зрелых и поздних трактатах Августина, по убеждению Пелагия, имеет своим следствием двойной негативный эффект. Людям, искренне верующим и стремящимся к спасению, она повергает в отчаяние. Людям же беспечным дает возможность оправдать себя отсылками к немощи человеческой природы. Британец уверен, что начало аскетического подвига может быть положено

вовсе не через убежденность в своей греховной поврежденности, а, скорее, наоборот – через познание своих выдающихся природных способностей. Люди должны понять, «на какое благо способна человеческая природа, а когда будет доказано, что она на что-то способна, надо будет это выполнять» [4, с. 596].

Логика рассуждений у британского монаха предельно проста: если Бог заповедует человеку определенную поведенческую модель, т.е. жизнь в соответствии с библейскими заповедями, то предполагается, что каждый человек имеет потенциальную возможность реализовать данную модель. Человек, который взял на себя подвиг добродетельной христианской жизни, обязательно должен поверить в то, что его природа обладает громадным нравственным потенциалом, с помощью которого христианин вполне может выполнить заповеданное. Британец уверен, что именно эта вера в собственные возможности укрепляет подвижника в аскетической практике: «Ведь наилучший способ побудить душу к чему-либо заключается в том, чтобы уверить ее в способности достичь того, чего она желает» [Там же]. Отсюда следует, что нет ничего хуже для души человека, чем пессимистичный настрой относительно своих природных способностей. Убеждение в своей немощи и бесполезности не может, по мысли Пелагия, побудить человека к добродетели.

Немецкий теолог Ганс Шварц отмечает: «Пелагий не был настолько наивен, чтобы считать, что люди не грешат, но он настаивал на том, что они могут не грешить» [8, с. 118]. Знаменитое утверждение Пелагия “*posse hominem sine peccato esse*” (возможно человеку быть без греха) говорит не о полном отсутствии греховности в человеке, а о том, что человек имеет потенциальную возможность собственными усилиями воли освободиться от греховных наклонностей. Этот тезис вступает в жесткую конфронтацию с постулатами Августина, согласно которым человек, предоставленный самому себе, не может не грешить.

Даже в поздних трактатах Августин не пытается отрицать свободную волю как таковую. Как отмечает британский исследователь Алистер Макграт, проблема заключается в следующем: грешник не может воспользоваться свободой должным образом [10, р. 41]. В этом заключается основная идея августинианской антропологии. Именно с этим утверждением был категорически не согласен Пелагий. Читая «Послание к Деметриаде» – единственное произведение Пелагия, сохранившееся целиком, – можно легко убедиться в том, что в его антропологических концепциях природа человека априори не имеет склонности к чему-либо доброму или злему. Поэтому и грех, и добродетель в равной степени во власти людей: «Всеблагий Творец пожелал, чтобы мы были способны делать и то, и другое [добро и зло], но делали бы только одно, а именно добро, как Он и повелел» [4, с. 597].

По мысли Пелагия, люди являются существами вполне автономными, т.е. самодостаточными в вопросах этики и нравственности, поэтому свободный выбор могут делать, руководствуясь лишь своим внутренним потенциалом. Даже святость в пелагианских постулатах выступает в качестве некой природной составляющей человека. Британец уверен, что человек может безошибочно ориентироваться в вопросах добра и зла, без опоры на внешний авторитет: «Существует... у нас в мыслях некая природная святость; пребывая как бы в святилище духа, она выносит свое суждение о добре и зле, одобряя поступки честные и справедливые, дурные дела она осуждает, и по свидетельству совести, по некоторому внутреннему закону она принимает решения о различных явлениях» [Там же, с. 599]. Далее по тексту Пелагий вообще называет человеческую природу наставницей в духовных вопросах [Там же].

В назидательном письме к девице Деметриаде, в котором Пелагий позиционирует себя в качестве наставника духовной жизни, все его внимание сосредоточено на человеке и его природных способностях. Мы не найдем там увещаний возложить свои надежды на божественную поддержку или что-либо подобное. Именно с помощью своих способностей люди должны возрастать в духовном совершенствовании: «По чистой совести рассудим о благе, присущем нашей природе! Наставим себя дружеским своим поучением! Изучим блага нашего ума (*mens*), исходя только лишь из самого этого ума!» [Там же, с. 598]. Природные нравственные силы и интеллектуальные способности человека здесь выступают некой внутренней потенцией, вполне автономной, которая служит прочным фундаментом при выстраивании добродетельной христианской жизни.

Как видно, пелагианские призывы осознать и активизировать посредством рассудительности те великие блага, присущие человеческому естеству, наглядно показывают антропоцентричный характер его богословских установок. По сути, Пелагий призывает даже не к богопознанию, которое, по его мнению, вполне осуществимо, т.к. никакого катастрофического разрыва между Богом и человеком не произошло. Его аскеза сосредоточена на самопознании. Мерилом правильности того или иного поступка, по соображениям британца, должна служить совесть человека [Там же, с. 599]. Пелагий уверен, что в принятии решений относительно нравственности голоса совести вполне достаточно для безошибочного выбора в пользу добра [Там же]. Традиционный христианский постулат, согласно которому правильность нравственного выбора напрямую зависит от просвещения разума человека божественной благодатью, полностью нивелируется. Напротив, Пелагий акцентирует внимание на том, что «сама природа свидетельствует о себе, обнаруживая свою благодать... она чувствует себя твердо только в добрых делах, показывая, что ей присуще одно лишь добро» [Там же].

Противостоя позиции Августина об избирательном спасении, британский монах утверждает, что «благо природное присуще... [именно] всем, оно может открыться и обнаружиться также у язычников, которые вовсе не чтут Бога» [Там же, с. 598]. Отсюда логически следует, что та божественная благодать, которая одна только и способна направить волю подвижника к добродетели, как об этом писал в своих трактатах Августин, в антропологических концепциях британца не играет фактически никакой существенной роли. Данный постулат приводит к вполне естественному вопросу: если даже язычники, «которые не чтут Бога», имеют природную способность к добродетели, то зачем человеку помощь со стороны какой-то сверхъестественной силы?

Рассматривая пелагианскую богословскую систему через призму обозначенного вопроса, мы можем увидеть то место, которое британский монах отводил Богу в деле спасения человека. В этом случае становится предельно ясно, почему в его теологических конструкциях Бог предстает в виде далекой абстрактной цели, т.е. в роли некоего конечного результата, к которому человек стремится вполне самостоятельно, опираясь на свои природные дарования.

Сотериологический аспект пелагианской антропологии

Беспристрастный анализ богословских построений Пелагия позволяет с полной уверенностью заключить, что человек, стремящийся к спасению, совсем не нуждается в божественном руководстве. Некая «природная святость», которой обладают люди, служит им мерилем правды и добра. Именно она и приводит в конечном результате к спасению. Что же собой представляет «природная святость» и «внутренний закон», Пелагий не объясняет. Как было сказано ранее, есть лишь намек на то, что в качестве своеобразного арбитра в вопросах нравственности может выступать совесть [Там же, с. 599].

Вполне естественно, что такая позиция актуализирует вопрос, который по своему содержанию является самым главным вопросом в христианской религии, а именно: какое место в этих теологических конструкциях занимает Иисус Христос? Как известно, традиционное христианство видит во Христе в первую очередь Спасителя, т.е. Искупителя от греха и смерти. Основным постулат христианской веры сосредоточен на идее, что Христос пришел спасти именно падшего человека, т.е. предполагается, что спасение от Бога было даровано тому, кто не мог его достигнуть самостоятельно. В этом заключается божественный дар и божественная милость.

В пелагианской же концепции т.н. «антропологического максимализма» традиционный образ Христа, освобождающего свое безнадежно падшее творение, разрушается самим фактом человеческой самодостаточности. Те логические посылы, которые закладывал в своих постулатах британский монах, приводили его оппонентов к вполне оправданным выводам: зачем Спаситель тому, кто может спасти себя сам? В концепциях Пелагия, как пишет Е. Н. Трубецкой, теряется реальность всякой духовной связи между человеком и Богом: «Человек не органически связан со своим Спасителем, а относится к Нему лишь чисто внешним образом, как ученик и подражатель» [5, с. 1261]. Таким образом, жизнь и смерть Христа, согласно Пелагию, не имели всеобъемлющего спасающего действия, а явились лишь назидательным примером, побуждающим верующих людей к самоотверженной, т.е. жертвенной, любви. Христос выступает лишь в роли учителя, т.е. наставника нравственной жизни. Поэтому, так или иначе, его личность и его искупительный подвиг лишаются статуса абсолютной уникальности.

Духовно-нравственная позиция британского монаха отчетливо напоминает ветхозаветное законодательство, где Бог остается внешним субъектом, выстраивающим свои отношения с человеком по нормативно-правовому принципу. Ни о какой преобразующей благодати и искуплении здесь речи не идет. Г. Шварц именует позицию Пелагия «самоискупающим морализмом. Люди верят в добро, присущее человеку, и больше не нуждаются в спасительном деянии Христа, для того, чтобы вернуться к Богу» [8, с. 118].

Британский монах возносит достоинство человека на небывалую для традиционного христианства высоту. Протестантский историк Филипп Шафф отмечает, что «пелагианство весьма родственно рационализму, его практической стороне... природная воля, согласно пелагианству, способна творить добро, как и природный разум в рационализме способен познать истину» [7, с. 516-517]. По сути, пелагианская доктрина постулирует возможность спасения человека без прямого и непосредственного участия Бога. Отсюда следует, что не аскетическая практика и даже не оптимистичный взгляд на природу человека привели британского монаха и всю его богословскую систему к осуждению со стороны церкви. Пелагий был осужден не за те чаяния, которые он возлагал на человеческие способности, а именно за те выводы, которые неминуемо следовали из его своеобразной (и во многом спорной для традиционного христианства) антропологии.

По некоторым пунктам антропология британского монаха была схожа с эллинистическими представлениями о свободе и автономности в вопросах морально-нравственной жизни человека. Эта идея свободы являлась мировоззренческой основой, на которой выстраивалась всем известная эллинистическая концепция ответственности человека перед обществом. Некоторые исследователи [2, с. 52] отмечают, что победа доктрины Августина, утверждающая абсолютную власть божественной благодати над волей и действиями человека, уничтожила вместе с пелагианством и эллинистическое мировоззрение. Это означало конец философии эллинизма и начало эпохи Средневековья. Итальянский исследователь Дарио Антисери полагает, что доктрина Гиппонского епископа преодолела моральный интеллектуализм греческой антропологии со всеми его предпосылками и выводами [Там же, с. 71].

Заключение

Подводя итог данного исследования, следует отметить, что в пелагианской модели спасения человек действительно представлен существом самодостаточным, способным ориентироваться в вопросах нравственного порядка без опоры на внешний авторитет и внешнюю помощь. Основой духовной жизни здесь выступает не божественная поддержка, а громадный внутренний потенциал, каким обладает, как полагал Пелагий, каждый человек. Именно этот потенциал и дает возможность достигать высот нравственной жизни.

Отсюда следует, что постулат об автономности воли, в основе которого лежит концепция т.н. «природной святости», а также сосредоточенность на личных аскетических усилиях в процессе духовного совершенствования без учета помощи божественной благодати, приводят Пелагия к специфической (для традиционного христианства) идее доминирующей роли человеческих усилий в деле собственного спасения.

Логические выводы, которые следуют из такой позиции «теологического антропоцентризма», позволяют заключить, что пелагианская доктрина в основных своих постулатах значительно расходится с общепринятой христианской ортодоксией, которая, не умаляя значимости личных человеческих устремлений, все же сосредоточена на исключительности подвига Христа в деле спасения человека.

Список источников

1. Августин Блаженный. О восьмидесяти трех различных вопросах // Тракаты о различных вопросах: богословие, экзегетика, этика: сборник / пер. с лат. яз. М.: Империиум Пресс, 2005. С. 41-202.
2. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней: в 4-х т. / пер. с итал. С. Мальцевой. СПб.: Петрополис, 1997. Т. 2. Средневековье. 368 с.
3. Армстронг А. Х. Истоки христианского богословия. Введение в античную философию / пер. с англ. В. А. Самойлова. Изд-е 2-е, испр. и доп. СПб.: Издательство Олега Обышко, 2006. 256 с.
4. Пелагий. Послание к Деметриаде // Эразм Роттердамский. Философские произведения / пер. и коммент. Ю. М. Кагана; отв. ред. В. В. Соколов. М.: Наука, 1986. С. 594-635.
5. Трубецкой Е. Н. Миросозерцание Блаженного Августина. Блаженный Августин. Об истинной религии. Теологический трактат. Мн.: Харвест, 2011. 1302 с.
6. Уивер Р. Х. Божественная благодать и человеческое действие: исследование полупелагианских споров / пер. А. В. Кырлежева, ред. А. Р. Фокин. М.: Центр библейск.-патрол. исслед.; Империиум Пресс, 2006. 336 с.
7. Шафф Ф. История христианской церкви. Никейское и посленикоевское христианство: в 8-ми т. СПб.: Библия для всех, 2007. Т. 3. 732 с.
8. Шварц Г. Христианская вера и традиция Лютера / пер. с нем. М.: ББИ, 2017. 290 с.
9. Эрикссон М. Христианское богословие. СПб.: Санкт-Петербургский христианский университет; Библия для всех, 1999. 1088 с.
10. McGrath A. *Iustitia Dei. A History of the Christian Doctrine of Justification*. Oxford: Blackwell, 2005. 448 p.

Информация об авторах | Author information

Антоян Артур Романович¹, к. филос. н.

¹ Донская духовная семинария, г. Ростов-на-Дону

Antonyan Artur Romanovich¹, PhD

¹ Don Theological Seminary, Rostov-on-Don

¹ pravoslavie-art@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.01.2021; опубликовано (published): 15.03.2021.

Ключевые слова (keywords): свобода воли; первородный грех; сотериология; пелагианский спор; free will; original sin; soteriology; Pelagian polemics.